

УДК 882.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Руководитель проекта «Отечественная гуманитарная мысль: вклад молодых» – *Е.Р. Варакина*

Рецензенты книги:
Доктор филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы СПбГУ
В.М. Маркович
канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и культурологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета *О.А. Сысоева*

Гельфонд М.М.
«Читателя найду в потомстве я...»: Боратынский и поэты XX века – М.:
Издательство «Биосфера», 2012. – 220 с.

ISBN 978-5-905840-03-6

Книга посвящена взаимодействию лирики Е.А. Боратынского с русской поэзией XX столетия. В ней последовательно рассматриваются многие значимые «отражения» Боратынского в поэзии его далеких преемников – от старших символистов до поэзии ленинградского андеграунда 1960-80-х годов. Книга адресована специалистам-филологам, учителям-словесникам, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется русской поэзией. Рукопись книги стала победителем конкурса «Отечественная гуманитарная мысль: вклад молодых», проведенного Издательством «Биосфера» в 2011 г.

ISBN 978-5-905840-03-6

© М.М. Гельфонд, текст

«Читателя найду в потомстве я...»

*Светлой памяти
Всеволода Алексеевича Грехнева*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Мой дар убог, и голос мой негромок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я!*

(«Мой дар убог и голос мой не
громок...»)

Это едва ли не самое известное стихотворение Евгения Абрамовича Боратынского², которое неизменно вспоминают, говоря о судьбе поэта – и о его вынужденном разрыве с современ-

1 Боратынский Е.А. Полное собр. стихотворений. СПб., 2000. С. 147. В дальнейшем все поэтические произведения Боратынского цитируются по этому изданию, номер страницы указывается в тексте в квадратных скобках. В настоящее время в издательстве «Языки славянской культуры» идет подготовка и выпуск первого Полного собрания сочинений и писем Е.А. Боратынского.

2 Здесь и далее фамилия поэта пишется через о, «Боратынский». При цитировании поэтических и прозаических произведений, личных писем, критических статей по возможности сохраняется написание фамилии, принятое авторами. О правописании фамилии поэта см.: Песков А.М. Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. М., 1998. С. 472.

никами, и о сложности его поздней лирики, вызвавшей недоумение редких читателей, вопрошавших: «Зачем писать стихи, если время их для нас прошло?»³. Между тем приведенное стихотворение оказалось не только «визитной карточкой» Боратынского, но и своего рода пророчеством. Поэт действительно нашел своего «читателя в потомстве», точнее, многочисленных читателей – поэтов XX века. Среди них были Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов, Андрей Белый и Александр Блок, Владислав Ходасевич и Осип Мандельштам, Анна Ахматова и Николай Заболоцкий, Иосиф Бродский и Александр Кушнер, Виктор Кривулин и Лев Лосев. Приведенный список – далеко не полный перечень тех поэтов, для которых обращение к традиции Боратынского во многом определило характер собственного творчества⁴. Экзистенциальное мироощущение позднего Боратынского, умаление – вплоть до гротеска – лирического «я», разработка жанра «большого стихотворения», создание первой в русской литературе «книги стихов», трезвость и внешняя бесстрастность в оценке катастрофических явлений бытия – все это заключало в себе, по словам В.Э. Вацура, «силу замедленного действия»⁵. Поэти-

3 Отзыв Н.А. Полевого о стихотворении «Сначала мысль, воплощена...»: «Не плоды журнальной полемики, как не сказать, что такие стихи, как искушенная жена, как темная дева, не подьмлют и не воплощают никакой мысли, кроме одной только: зачем писать стихи, если время их для нас прошло?» (Сын Отечества. 1838. Т. 2. Отд. 4. С. 165).

4 Так, совсем недавно появилась очень интересная работа Р. Войтеховича: «Я не могу узнать себя, скажем, ни в одной строке Баратынского...». Цветаева и Баратынский // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. Тарту, 2011. Ч. 2. С. 480-493.

5 Вацура В.Э. Боратынский // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 344.

ка автора «Сумерек», воспринятая его современниками как глубоко архаическая, таила в себе множество новых возможностей для поэтов XX века, принадлежавших к различным школам и направлениям. Неслучайно имя Боратынского в разное время оказывалось знаковым для двух поколений русских символистов, акмеистов, представителей «неофициальной» (главным образом, ленинградской) поэзии второй половины XX века. Неожиданно востребованной оказалась лирика Боратынского и поэтами авангардистского толка, прежде всего, – ранним Заболоцким. Творчество одного из «второстепенных» поэтов пушкинского круга (а именно таким долгое время был «официальный статус» Боратынского в русской литературе) по глубине и силе влияния на поэзию XX века удивительным образом оказалось вполне сопоставимым с пушкинским. Поэзия по самой своей природе герметичная, замкнутая, по слову И.В. Киреевского, «в собственном бытии»⁶, представлявшаяся современникам архаичной, невнятной, лишенной смысла, постепенно открывалась новым читателям; а «перспективная проекция»⁷ стихов Боратынского, в свою очередь, высвечивала новые смыслы и открывала новые грани его поэтического мира. Многие стихотворения Боратынского породили долговременное литературное «эхо»: «Недоносок» по-разному отозвался у Ив. Коневского, В. Ходасевича, И. Бродского, «Последний поэт» – у А. Блока и А. Кушнера, «Пироскаф» – у О. Мандельштама, Ю. Кублановского, Льва Лосева.

6 Киреевский И.В. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998. С. 72.

7 Меднис Н.Е. Еще раз о «Рыцаре бедном» // Пушкин в XXI веке: вопросы поэтики, онтологии, историзма: сб. ст. к 80-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 2003. С. 139.

Огромное воздействие оказала на лирику XX века «Осень». Потаенный, неявный смысл стихов Боратынского был глубоко угадан его читателями-поэтами. Так увидел Александр Кушнер тайный смысл предсмертного «Пироскафа» Боратынского – «плавание из времени в вечность»⁸. Неслучайным представляется нам и тот факт, что среди исследователей Боратынского всегда было немало поэтов: литературоведческие статьи о нем принадлежат Валерию Брюсову, Ивану Коневскому, Андрею Белому; его издания готовили Модест Гофман и Юрий Верховский, а во второй половине XX – начале XXI века о нем писали Юрий Кублановский, Александр Кушнер, Сергей Гандлевский.

Рассуждая в статье «О собеседнике» о природе диалога между поэтом и читателем, Мандельштам сравнивал приведенное выше стихотворение Боратынского с письмом, запечатанным в бутылке и обращенным к таинственному адресату: «Читая стихотворение Боратынского, я испытываю то же самое чувство, как если бы в мои руки попала такая бутылка. Океан всей своей огромной стихией пришел ей на помощь, – и помог исполнить ее предназначение, и чувство провиденциальности охватывает нашедшего. В бросании мореходом бутылки в волны и в посылке стихотворения Боратынским есть два отчетливо выраженных момента. Письмо, равно как и стихотворение, ни к кому в частности не адресованы. Тем не менее оба имеют адресата: письмо – того, кто случайно заметил бутылку в песке, стихотворение – “читателя в по-

8 Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 297. Речь идет о стихотворении А.С. Кушнера «Путешествие» (1967).

томстве». Хотел бы я знать, кто из тех, кому попадутся на глаза названные строки Боратынского, не вздрогнет радостной и жгучей дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени»⁹. Данная книга и представляет собой попытку найти тех самых «таинственных адресатов», «читателей в потомстве», к которым обращался Боратынский и которые так или иначе откликнулись на его стихи.

Выбор предшественника, чей голос оказывается близким поэту, всегда иррационален, и при попытке объяснить его литературоведческие категории вынужденно уступают место онтологическим понятиям симпатии и любви. По словам М.М. Бахтина, «несказанное ядро души может быть отражено только в зеркале абсолютного сочувствия»¹⁰. Невозможно точно объяснить, как и почему возникает тяготение одного поэтического мира к другому и почему *чужое* стихотворение становится импульсом к созданию *своего*. Художественная интерпретация бескорыстна в своих предпосылках и отнюдь не претендует на объективность; в ней важна «не точность познания, а глубина проникновения»¹¹ в мир другого, понимание его «дружости» и одновременно – близости себе самому. Поэт в роли читателя может и не быть идеальным читателем, но очевидно, что это *особый читатель*, диалогически

9 Мандельштам О.Э. Собр. соч. М., 1993. Т. 1. С. 184. Далее произведения О.Э. Мандельштама цитируются по этому изданию, номер тома и страницы указывается в косых скобках.

10 «Оболочка души лишена самооценности и отдана на милость и милование другого. Несказанное ядро души может быть отражено только в зеркале абсолютного сочувствия». Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Собр. соч.: В 7 т. М., 2000. Т. 5. С. 9.

11 Там же. С. 10.

продолжающий в своем слове жизнь поэта-предшественника и поэзии вообще. Вспомним пушкинское: «...доколь в подлунном мире / жив будет хоть один пиит».

Вместе с тем и сам поэтический мир поэта-предшественника как бы стремится к тому, чтобы быть прочитанным, раскрытым, воспринятым во всей полноте. По словам И.А. Ильина, «когда художник творит свое произведение, он втайне мечтает о встрече»¹². В этой мечте автора воплощается особое сознание правоты его эстетического и демиургического поступка («...но я живу, и на земли мое / кому-нибудь любезно бытие»). Обращаясь к «далекому, неизвестному адресату», поэт посылает ему свое слово о мире и надеется на то, что это слово будет воспринято и усвоено, то есть – для другого станет своим. Именно об этом пишет Иосиф Бродский в раннем стихотворении «Памяти Баратынского»:

Ну вот и кончились года,
Затем и прожитые вами,
Чтоб чувства наши иногда
Мы звали вашими словами¹³.

Нам представлялось, что главное – услышать тех, кто откликнулся Боратынскому в «резонантном пространстве»¹⁴

¹² Ильин И.А. *Одинокий художник: статьи, речи, лекции*. М., 1993. С. 18.

¹³ Бродский И.А. *Сочинения*. В 4 т. Париж; М.; Нью-Йорк, 1992. Т. 1. С. 60-61.

Курсив в цитатах здесь и далее (кроме специально оговоренных случаев) наш – М.Г.

¹⁴ Топоров В.Н. О «резонантном» пространстве литературы // *Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yuri Michailovich Lotman*. Amsterdam-Atlanta; Ga, 1993. P. 16-21.

русской поэзии, понять, кем, когда и *как* он был услышан. Оказалось, что поэтическое бессмертие в данном случае не риторическая фигура, а реальность: стихи полузабытого при жизни поэта через столетие после его смерти обрели новую жизнь в строчках, прочтениях и «отзывах» поэтов XX века.

Я благодарна всем тем, кто помогал мне в работе, и в особенности – Инне Львовне Альми, без постоянного внимания и поддержки которой не могла бы состояться бы эта книга.